

Еженедельник общественной и политической мысли

IV ГОД

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22 ФЕВРАЛЯ 1948 ГОДА

№ 8 (91)

„POSSEV“

Sozialpolitische Rundschau in russischer Sprache. Deutschland, US-Zone
Social and Political Review in Russian Language. Germany, US-Zone
Hebdomadaire Social et Politique en langue russe. Allemagne, US-Zone

Издательство «Посев».

Управление, редакция и отдел объявлений: Limburg/Lahn,
Verlag „Possev“. Филиал редакции: Mönchhof bei Kassel,
IRO-Lager, „Possev“. Отдел подписки и распространения:
Frankfurt-Fechenheim, Am Rüttschlehen 19, Verlag „Possev“.

Выходит по воскресеньям. Цена отдельного номера 2 марки.

ВЕЛИКИЙ ОБМАН

Дата опубликования Коммунистического Манифеста есть та точка исторического пространства, откуда началось развитие грандиозного явления, — ныне, в образе большевизма, нависшего страшной угрозой над судьбой всего человечества.

Для современников, для людей сороковых годов, это событие прошло почти незамеченным. Только много лет спустя отдельные проницательные мыслители могли разгадать в доктрине марксизма те ее особенности, которые поставили сейчас мир перед роковым вопросом: «быть или не быть?» Быть или не быть теплящейся под толстым слоем самомнения и скепсиса, гордыни и разочарования христианской культуре, с ее идеалами любви к ближнему, духовной свободы и служения высшим ценностям?

Оглядываясь сейчас на 100 лет победного шествия коммунизма, выросшего из провинциальной политической авантюры в государственную силу господствующую над 300 миллионами людей, естественно задумываешься над вопросом — в чем заключается сила Коммунистического Манифеста, какие глубинные исторические тенденции удалось ему оседлать, на какие насущные вопросы ответить, какие духовные и душевные качества человека мобилизовать и подчинить своему контролю и руководству?

Пафос коммунизма — в предлагаемом им рецепте спасения мира от неизбежной эволюции зла, заключенного в системе капитализма, в мифе создания такого общества, где исчезнет эксплуатация человека человеком, и где соединенные пролетарии всех стран будут мирно благоденствовать в условиях справедливого распределения благ.

Такова, вкратце, схема классического коммунистического мышления. Почему именно она стала знаменем борьбы за нового человека?

Дальнейшее развитие либеральной системы показало научную несостоятельность первоначального марксистского анализа и вскрыло ложность его прогнозов. Опровергающая сила фактов заставила марксизм прибегнуть к ряду ревизий своих положений (ловко, но неубедительно оправданных диалектическими ухищрениями). Но все это не ослабило ни упрямую убежденность в своей правоте сторонников марксизма, ни наступательную силу их учения. Больше того — даже построение социалистического общества, преддверия коммунизма, со всеми ужасами его полицейско-тоталитарного режима, не отрезвило попрежнему многочисленных членов компартий демократического мира.

Чем объяснить эту социологическую и историческую загадку? В чем истинная сила коммунизма?

С эпохи реформации, со времен, когда философия перестала быть «служанкой богословия» а наука резко отмежевывалась от философии, отождествленной с метафизикой и, тем более, от религии, объявленной «вне закона», — органическая, гармо-

ничная целостность средневекового миропонимания стала быстро распадаться. Человек потерял целостное, объединяющее его с другими людьми, религиозно-обоснованное мироощущение, а вместе с ним потерял и общий масштаб для измерения моральных категорий. Основные этические ценности, исключенные из науки, по разному толкуемые различными философскими течениями, были целиком отнесены в область религии, едва терпимой в качестве атеистического пережитка, — и она стала частью делом каждого.

Раздробление, дифференциация, в силу взаимосвязанности всех проявлений человеческого духа, быстро охватило все сферы, — духовную, интеллектуальную, социальную и экономическую. Не только наука разделилась на все умножающееся количество самостоятельных дисциплин (и дроблению их не видно конца!), не только философия расплылась на десятки и сотни замкнутых в себе систем и течений, но и социальная и экономическая жизнь (следуя или предшествуя описанному выше явлению) обнаружили тенденцию к крайней раздробленности, культивирующей в идеале либерально-капиталистической социальной структуры. Этот идеал — обособленный человеческий индивид, атом, монада, несвязанная с другими себе подобными ничем, кроме печальной необходимости сосуществования на нашей все более и более тесной планете.

Вот, это последнее обстоятельство и стало причиной того, что волна протеста против этого распада понесла на своем гребне первое попавшееся, но связанное и научно обоснованное решение, первый ответ на назревшую необходимость поставить предел своеволию, ставшему гибельным в условиях жизни быстрыми темпами сужающегося мира.

Увеличивающаяся (из-за прироста населения и охвата единой системой хозяйства всего мира) теснота жизненного пространства и сужение свободного поля для развития хищнической инициативы созданного капитализмом типа предпринимателя — превратили режим свободной конкуренции в режим такой борьбы за существование, при которой формула «человек человеку волк» грозила стать реальностью и определить собою стиль эпохи. Сгущая краски, можно сказать, что только две ценности удерживали либерально-капиталистическое общество от полного развала. Эти ценности — личная свобода и индивидуальное благо (понимаемое, прежде всего, как благо материальное). Во имя этих ценностей только и допускалось ограничение произвола. Только эта тонкая преграда (и догорающий, но все еще живучий «пережиток» религиозно обоснованного этического сознания) отделяла либерально-капиталистический мир от полного хаоса анархии. Но, к середине XIX века, и эта последняя плотина стала давать крупную течь, — освобожденная от связующей системы обязательных моральных устоев, соци-

Сегодня в номере:

- В. ВАСИЛЬЕВ**
Великий обман (стр. 1)
Г. АНДРЕЕВ
Вчера, сегодня... а что будет завтра? (стр. 2)
В. КРЕМНЕВ
Авангард большевизма (стр. 2)
Е. ШУГАЕВ
Гимн ненависти (стр. 7)
В. БАРИШИН
Тридцать лет Красной Армии (стр. 9)
Г. А.
Свежий ветер (стр. 10)
Т. ВИССАРИОНОВА
Христов Крестник (стр. 11)

альная стихия породила вырвавшиеся из под человеческого контроля силы техники, опирающейся на науку, и бездушного финансового капитала.

Подлинный пафос Коммунистического Манифеста (едва ли до конца осознанный его составителями) и был устремлен на предотвращение катастрофы, которую вызвало бы разрушение всей плотины.

Страх перед слепыми силами неконтролируемой этическими нормами техники (а разве не рос этот страх неумолимо и crescendo, достигая апогея в наш век атомной бомбы?) и перед звериной частью природы человека, использующей современную финансовую технику для экономического порабощения миллионов, — вот те отрицательные стимулы, которые повели массы (ведут и сейчас!) за знаменем марксизма.

Жажда воссоздания утерянного единства, жажда нахождения общезначимой системы этических ценностей (пусть даже догматически утвержденных), стремление к разумному регулированию социальной стихии — вот те положительные стимулы, которые закрепили за марксизмом престиж его спасительного призвания.

Тут мы прощупываем негальгический пункт всей проблемы.

Трагедия марксизма, а вместе с ним и всего человечества, заключается в том, что ослепленные непосредственными и наиболее ярко выраженными симптомами надвигающегося катаклизма творцы Коммунистического Манифеста произвели анализ обстановки крайне поверхностно и только в одной плоскости — плоскости социально-экономической, единственно уцелевшей после обвала целостного мира трех измерений. Отделенные тремя лишними веками от истоков кризиса и истинных его причин, слепые к этим причинам, в силу плененности своего соответствующего духу эпохи сознания, они ограничили свое исследование производными и вторичными явлениями. Больше и хуже того: сам инструмент их анализа — научное мышление середины XIX века было в корне порочно и само заражено теми болезнями, от которых марксизм пытался освободить человечество.